

зованной видимости. Не будь Сталина, — освобожденные гигантские деструктивные энергии закипели бы стихийным и открытым взаимоничтожением.

Такова неотвратимая диалектика негативной революции, приводящая ее от отрицания к самоотрицанию.

Мы не знаем, будут ли деструктивные энергии этой стадии революции непосредственно, путем, например, короткого предварительного переворота переключены в стадию Конструктивной Революции или история сперва даст более или менее значительный задний ход, но для нас очевидно, что после разрушения старого, от которого истину не осталось камня на камне, по самой элементарной логике вещей ничего не остается, как строить новое. Реставрация старого в истории в таких случаях еще более трудна, чем строительство нового. И так как строительство возможно только в условиях развязанных, освобожденных творческих энергий — не может строить страна, превращенная в тюрьму и каторгу, — то поэтому всеобщей предпосылкой к началу Конструктивной Революции должно явиться **Освобождение**. В этом одном слове, но в котором, как в фокусе, сходится вся проблематика сегодняшнего положения России и заключена вся наша программа-минимум.

П. Смирнов.

К идее научного государства

В качестве исходного, основного положения надо прежде всего формулировать переходный, критический, катастрофический характер нашей эпохи. Такая эпоха по самому существу своему является двусторонней, двуликой, двуобращенной. Она, с одной стороны, обращенной к прошлому, носит черты разложения, упадка, смерти, с другой — обращенной к будущему — черты зарождений, исканий, творчества. В этом двуликом, переходном характере современной эпохи коренятся и два противоположно-основных типа людей, характерных для нашего времени: упадочно-скептический тип культурно-исторических сумерок и тип людей живущих зарей новой наступающей эпохи. — Было бы исторически противоестественным, если бы эта смена эпох исторического развития не сказалась на формах организации этого развития, на формах государственности. Таким образом, является не только исторически своевременным, но и политически актуальной постановка — теоретическая и практическая — проблемы нового государства. И много бы значила уже одна такая постановка этой проблемы до всякого и независимо от всякого ее решения. Но и попытки предвосхитить хотя бы самые элементарные контуры форм «государства будущего» и вполне законны, и не неосуществимы. Для этого надо уловить **стиль** новой наступающей эпохи. Однако это уже проблема идеологическая и мы отсылаем к соответственным нашим статьям, из которых для нас очевидным образом вытекают два основных определения будущего государства: его инициативный, демиургический, **конструктивный** характер, с одной стороны и всеобъемлю-

щие размеры — с другой. В отмену буржуазно-материалистической эпохи и в соответствии с величием наступающей новой эры человеческого существования, в мире нарождается **новый идеализм**, новое мирозерцание (**мирозерцанием и определяется стиль эпохи**), которое мы предварительным образом обозначаем, как **титаническое мирозерцание**, как фуританизм (см. мои статьи в №№ 1, 2, 3, «Третьей России»). Из этого мирозерцания и вытекает необходимым образом предельное возвеличение государства и что касается его размеров, и что касается его метафизического существа. Теперь стало модным говорить о «мистике государства». В своем частном социально-политическом аспекте это мирозерцание и является такой «мистикой государства». — Не в том смысле, что государство — Божество — идея древнего Рима, возрождаемая теперь в итальянском фашизме, — а в том, что оно алтарь служения **новому Божеству**, звезда которого загорается на нашем всемирно-историческом небосклоне. В идеологической основе этого утверждения лежит взгляд на историю, как на мистерию становления Абсолюта, осуществления «царства Божьего на земле», — государство же есть высшая форма организации Истории, титанический двигатель Мирового Становления, форма исторической мобилизации масс.

Мир идет к **абсолютному государству**, если государство понимать в смысле титанического мирозерцания, как место служения всеобщинной прометеевской любви, как аппарат действительного преобразования мира, как форму организации Общего Дела — в близком к Федорову смысле. И тем не менее, **государство не самоцель**. Но в том смысле, в каком церковь не является самоцелью в религии; и точно также, как церкви, ему принадлежит относительно верховное значение. В отношении средств к Цели ему принадлежит все. В этом смысле государство — церковь титанического мирозерцания и в качестве такового, оно — священно. Аккумулятор творческих исторических сил масс, государство — жертвенник, на котором народы приносят жертвы Истории, форма служения Общему, Единому.

Такие представления имеют также свои основания и в чертах людей новой нарождающейся эпохи. Им отвратна в какой бы то ни было форме буржуазно-индивидуалистическая, анархическая расхлябанность и распоясанность. В противоположность этому идеологизированному эгоизму, их пафос заключается в культе служения. — Все должно быть поставлено на службу, все должно служить, все должно быть подчинено служению; мир это пирамида, основанием своим охватывающая все и вершиной все стремящая к Небу. Новый человек — человек **героического**, титанического мирозерцания — и в качестве такового, он антипод всякому индивидуалистическому, частному, потребительскому взгляду на жизнь. Потребительская точка зрения должна быть без остатка изгнана из жизни. — Нетрудящийся — лишенец жизни, потребитель — паразит, ибо человек есть лишь то, что он творит, человек — это его Дело. И если каждая эпоха имеет свое поприще героизма, жертвенности, служения, то таким поприщем наступающей эпохи может быть лишь государство — в нашем фуританическом смысле **воли к организации мира**, в пределе, осуществления «царства Божьего на земле». И поэтому самым значительным определением государства является именно определение его, как организации Общего Дела, как формы исторической мобилизации человечества, как координированной воли масс к действительному преобразению мира.

Такая актуальность имеет всемирно-исторические обоснования. Осуществивший небывалые достижения в организации Природы и в

ней — победы над пространством, современный человек вплотную подошел к проблеме организации Истории и в ней к преодолению времени. — Время — принцип неорганизованной Истории, как пространство — принцип неорганизованной Природы. Не случайно, что время — наиболее значительная и актуальная тема в современном искусстве и философии. И как закачивающаяся **техническая** эпоха была эпохой рационализации Природы, так наступающая **социальная** эпоха будет эпохой **рационализации** Истории, овладения и подчинения ее стихий. Все большее проникновение во все области жизни планового начала, стремлений рационализации и регулирования есть в этом смысле знамение времени. Если согласиться со Шпенглером, что история, время и закономерность судьбы суть односущностные категории, то эта новая эпоха организации Истории, преодоления времени явится, тем самым, эпохой овладения человечеством своей судьбой. Именно это и означает рационализацию Истории, политику в новом и высшем смысле слова. Политика же это область, государства, — вне его нет и не может быть никакой политики.

Теперь продолжим эту аналогию и углубим всемирно-историческую тенденцию организации мира от ее более внешнего аспекта организации Природы к ее более сокровенному аспекту организации Истории. Современный **технический переворот**, подчинивший человеку силы природы, вызван к жизни знанием, наукой. Теперь человечество подошло к аналогичному **социальному перевороту**, в котором человеку будут подчинены и организованы стихийные силы истории и который также может совершить лишь знание, наука. — Это ставит на очередь проблему **научного государства**: научной организации власти и управления. Подобно хозяйственному кустарничеству, предшествовавшему современной технической эре, то, что мы имеем в области государственной жизни теперь, представляет собой зрелище политического кустарничества, кустарным образом организованной власти и управления. Современная политика — стихийна, иррациональна, слепа, как сама жизнь; она движется интересами, настроениями, страстями, но отнюдь не геометризирующими велениями разума и знания. И наука здесь должна совершить такой же переворот, овладевая социальными закономерностями, как она совершила в хозяйственной области, овладев естественными закономерностями. Государство есть область средств, а не целей и оно не только поддается, но и принципиально подлежит научному построению и организации. Возможные возражения о неподатливости этой сферы жизни научной организации: нетрудно было бы вытащить из архива знаменитого дуалиста Риккерта, теперь, правда, совсем вышедшего из моды, — устраняются принципиально уже тем, что в практике они уже имеют место, при том быстро расширяющемся. Достаточно указать на все возрастающее распространение и значение всякого рода «комитетов экспертов», на роль научно-исследовательских институтов при современных органах власти (особенно советских и американских), на такие явления, как теперешние «эксперименты» президента Рузвельта, нашумевший «трест мозгов», ряд идей в движении технократов, как на значение вообще знания, научных идей, доктрин и направлений в современной политической жизни. И если принять во внимание, что и в области природы многие явления не до конца поддаются научной организации, а с другой стороны — очевидную аксиому единства и следовательно, известного тождества всех сфер бытия, то законным здесь может быть спор лишь о границах научной организации государства, а не о ее принципиальной возможности. Теперь появилось целое движение так называемой научной организа-

ции труда, повысившей в необыкновенной степени производительность его. Вот точно также можно говорить о научной организации государства и управления.

Но идея научного государства, в том или ином виде, начинает выкристаллизовываться и со стороны теоретической мысли. Следует особое внимание обратить на недавно вышедшую книгу Б. Ресселя «Научные перспективы», на некоторых американских авторов. Из русских политических мыслителей с родственными идеями неоднократно в печати выступал П. П. Муратов.

По существу эта идея научного государства — вечная мечта человечества, впервые получившая яркое выражение в учении Платона о «государстве философов», что по тогдашней терминологии означало тоже самое, что «государство ученых». Эта мечта также понятна, как понятно вообще стремление человечества к рационализации своей истории, стремление его к овладению своей судьбой, но соответственных объективных условий к своей реализации она достигает лишь в наше время. Надо было чтоб осуществилось великое материальное освобождение человечества (в организации Природы), чтоб стала возможной постановка проблемы его **социального освобождения** (в организации Истории), надо было достигнуть тех триумфов знания, науки, каких достиг современный человек.

В воле к организации мира — этой религии нового нарождающегося человечества — государству принадлежит роль высшего орудия, аккумулятора творческих сил народа, Демиурга. И в качестве такового, государство может и должно быть всеобъемлющим; но для этого такое абсолютное государство должно быть научным, иначе оно не имеет права на такую всеобъемлемость. Иными словами, когда История выдвигает какуюнибудь цель, то она дает и соответственные средства. В цели ее заключаются и ее средства.

Такова общая, уже теперь вполне уловимая тенденция ближайшего развития. Но практически в высшей степени важно найти соответственный правовой модус истинно органической реализации ее. Для этого мы имеем исторический прецедент, в котором некоторым образом предвосхищена наша проблема. За образец **синтетического** преодоления государственных форм современности, от которых мы отстраиваемся, признавая их относительную ценность, нужно взять закономерность сочетания нижней и верхней палаты, как она наиболее классически выражена в английской практике. В этом сочетании отразился органический стык эпох, сопряглись две конститутивные тенденции исторического развития: консервативная, охранительная (верхняя палата) и радикальная, творческая (нижняя палата); обращенная к прошлому, — статическая и к будущему — динамическая. Но теперь верхняя палата уже утратила свое историческое значение, к тому же, сама нижняя палата стала в достаточной мере консервативной, чтоб не сказать реакционной. В Англии уже в 1850 г. лорд Пальмерстон по поводу известного тогда дела Пасифико не обратил на вотум недоверия, верхней палаты, никакого внимания. Зато во Франции еще министерство Буржуа (1895-1896 г.), благодаря ей после некоторых колебаний вынуждено было уйти в отставку. Теперь историческую консервативную роль верхней палаты фактически играет нижняя, не взрывающая уже, а охраняющая начала господствующих форм жизни. Понятие консерватизма, повидимому, — относительное понятие: ему приобщаются те, кто заинтересован в сохранении «статус кво» и для кого движение невыгодно, так как уносит почву из под их ног. Так бывшие либералы и радикалы в наше время стали по существу консерваторами. Следовательно, назрела исто-

рическая необходимость восполнения современной государственности началом динамизма, радикализма, восстанавливающего равновесие двух означенных конститутивных тенденций исторического развития, иначе жизнь остановится и загниет. И она уже гниет. Нам и представляется естественным учреждение на месте исторически уже не нужной консервативной верхней палаты, другой формы государственности, соответствующей при сохранении старой нижней палаты, передовым запросам, динамике и уровню времени. Таким образом, если нижняя палата была бы палатой народных представителей, организованной по принципу демократического права, то верхняя явилась бы палатой государственных экспертов, организованной по принципу научной целесообразности. Тогда члены первой должны избираться, члены второй — кооптироваться. Председатель верхней палаты экспертов мог бы быть в то же время президентом такой научно организованной республики, верховным главою ее исполнительной власти. Роль нижней палаты при верхней могла бы быть уподоблена нашей Государственной Думе при институте монархической власти. Она не столько управляет государством, сколько представляет народ, отражает его настроения, чаяния, интересы, текущую жизнь. Она должна бы явиться конденсацией народной жизни. За нижней палатой стоят политические партии, за верхней — государственно-прагматизированные научно-исследовательские институты. Последняя должна включить в себя весь мозг страны, всю ее квалификацию, знания, таланты. Подобно особым лабораториям при современных заводах, специально работающим над усовершенствованием производства, делающим «открытия и изобретения», отмеченные научно-исследовательские институты, стоящие за верхней палатой экспертов, ученых и специалистов, должны бы быть такими лабораториями государственных усовершенствований, социальных «открытий и изобретений». Мошь науки безгранична и в этой социальной области также, как она оказалась безграничной в области естественной. И задача научно организованного государства призвать ее к жизни, актуализировать.

Таким образом, в концепции научного государства в сублимированном виде синтетически включается и идея синдикализма. Ведь эти эксперты, ученые и специалисты суть в то же время представители соответственных областей творчества и труда, профессий и специальностей. Государственные научно-исследовательские институты, стоящие за каждой отраслью управления, это в то же время ведь научно-исследовательские институты соответственных отраслей производства и потребления. Но в концепции научного государства исчезают отрицательные стороны синдикализма.

Так организованная двухпалатная система государства явилась бы синтезом и примирением двух вечных и постоянно враждующих принципов власти: нравственного и правового, идеалистического и реалистического. Различия монархии и демократии именно в этом. В случае монархии дело совсем не в единоличии власти, не в «самодержавии» (роковое наименование!), иначе разные формы тирании и диктатуры ничем бы не отличались от монархии. Дело именно в этом трансцендентном источнике власти, в нравственной санкции ее. Вот почему выборная монархия — нелепость, демократическая пародия на монархию или обратно, монархическая на демократию. И вот почему также в монархии такое исключительное значение имеет нравственная безупречность личности самого монарха.

Но пришло время и умер миф о трансцендентном теологическом источнике власти, миф власти «божьей милостью», — умер вместе со смертью теологического мирозерцания, — и вместе с ним пали все

существовавшие до тех пор исторические монархии. Тем не менее, идеалистический источник власти наряду с реалистическим, нравственная санкция ее наряду с правовой остается не переходящим принципом власти. И теперь зреет исторически новая форма его воплощения, основанная на новом идеализме — не теологическом, а титаническом. Зреет новый миф, миф Человека-Творца, Человека-Прометея, своей титанической мощью преобразующего мир, ткущего, подобно пауку, из себя божественную паутину Истории; складывается новое мирозерцание не теологической «благодати», а титанического Творчества-Труда. А вместе с этим нарождается и новая аристократия, соответствующая этому новому мирозерцанию, аристократия творческого духа, аристократия воли, талантов, знания, труда. Тем самым государство из, как бы эманации высшего идеального порядка, категории теологической «благодати» перерастает в творца идеального порядка, в орудие преобразования мира, собственного осуществления высших, совершенных жизненных форм. Выражением такого государства и является фурианическое (в целях) научное (в средствах) государство, аккумулирующее в себе все творческие силы масс, государство-Демонург, Конструктивное государство.

В соответствии с духовно-аристократическим существом такого нового государства, должно, в полной противоположности духовно-хамской материалистической стихии большевизма, окружить неким ореолом общественного культа все проявления творческого духа. Для этого власть в таком государстве должна быть действительно **властью лучших**. И научное государство, государство лучших представителей каждой области Творчества-Труда, государство экспертов, специалистов, ученых — этих современных жрецов, творимое именем того, что является современной магией, — именем науки, только и может теперь в народных массах поддаваться такому общественному культу. В этом понятии научного государства, власти ученых, экспертов, специалистов есть некое мистическое для современности обаяние, подобное древней власти жрецов. И мы не должны будем в будущем пренебречь исключительной «демагогической» силой этого понятия. Характерно, что среди идей движения американских технократов массы перенесли удареие именно на этот момент, что «ученые будут управлять» государством, хотя само движение и шире, и одностороннее этой идеи.

Таким образом, в двухплантной системе нашей концепции государства эти два вечно противопоставляющиеся начала нравственной и правовой санкции власти, идеалистического и реалистического ее источника получают свое синтетическое примирение. Органическое государство и должно быть единством этих двух тенденций: снизу и сверху, их равновесием. Но таковым никогда не были ни исторические монархии, ни демократии, воплощавшие всегда лишь одно из этих двух начал, в чем и была причина их вечной, возведенной Аристократом в закон, исторической неустойчивости и смены.

Таковы общие соображения в пользу научного государства. Само собой разумеется, все эти соображения здесь по необходимости носят сугубо фрагментарный и провизорный характер. Сам термин «научное государство» не вполне грамматически выдержан. Но получил же права гражданства термин «научный социализм». В образовании терминов также допустима некоторая доля незакономерного произвола, как во всяком творческом образовании вообще.

Из всего сказанного явствует, как не соответствует духу и запросам новой нарождающейся эпохи современное буржуазно-демократическое государство, выродившееся в государство циников и пошляков, в плутократию, что касается материальной его стороны и

охлократию, что касается духовной стороны. Последнему соответствует его охлократическое духовно хамское мирозерцание — материализм, это мирозерцание духовной черни. Также ни в какой мере не отвечает современная государственность, приспособленная к мирной буржуазно-мещанской жизни, критическому, переходному, катастрофическому характеру нашей эпохи, а тем более той новой небывалой эре исторической мобилизации человечества, грандиозная тень которой брошена на мир в русских событиях. Этой эре, эре титанического мирозерцания, может соответствовать лишь научно организованное государство. Но в негативной стороне идеи такого государства может быть самое существенное заключается в том, что оно является последовательной реакцией на ту, основную для закапчивающейся эпохи, тенденцию **полигической профанации**, которая от крылатых слов судьи якобинской диктатуры, что «республика не нуждается в ученых» привела к «кухарке», управляющей государством Леккина.

И тем не менее, в построении своего идеала государственности, мы должны отрываться от современности, поскольку она в себе осуществила начала правового государства, ибо вне правового или, по более совершенному понятию, выдвинутому в современной науке Н. Н. Алексеевым, «гарантийного государства», невозможна нормальная общественная жизнь. Диктатура есть государственная форма чрезвычайного положения. Это экстраординарная форма власти, соответствующая известным критическим моментам в истории и к ней можно и должно прибегать, но ее нельзя возводить в систему, как нельзя операцию превращать в способ лечения всех вообще болезней. Диктатура не идеальная, а вынужденная форма власти. Это в свое время признавал даже Муссолини, признают большевики. В жизни народов бывают критические катастрофические моменты и даже целые эпохи, когда они должны извести как бы на осадное положение свое историческое бытие. Диктатура и есть форма такого осадного положения народа. Постольку приемлем ее и мы, но лишь постольку. В своей политической практике мы должны выдвинуть девиз: **силой, но не насилием**. Культ силы не чужд и нам, но нам отвратно насилие. А это не одно и то же: насилует не сила, а слабость. Это не парадокс, а жизненная истина, которая часто, будучи выражена, кажется парадоксальной. Превосходство не насилует именно потому, что оно сила. Вот почему свободы боятся именно те, кто имеют основания ее бояться, те, кто не доверяют своему превосходству. Наиболее деспотические режимы были всегда наиболее слабыми. Посмотрите на эту власть сталинских янычар, полицейское неистовство которой над беззащитным населением перешло далеко за границу полицейского садизма, но которая с позорной трусостью предупреждает самую возможность конфликта со сколько нибудь реальной внешней силой.

Идея на пореволюционные позиции новой **Третьей силы**, мы отрываемся к ним «слева»: в революционные эпохи, подобные нашей, история шагает «с левой». И нельзя на пореволюционные позиции идти справа, от контрреволюции, иначе это полсенс, словесное и логическое противоречие. Вот почему в качестве «**рабочей гипотезы**» в своих государственно-политических исканиях и творчестве мы выдвинули идею **неодемократии**, как категорию левой пореволюционной ориентации и фиксированной идеи Свободы. Но в качестве уже таковой, рабочей гипотезы, она конститутивным определением своим должна иметь предикат **социальной**. — Неодемократия — социальная демократия. В это ее конститутивное понятие входит и то, что она должна быть идеократичной, ибо материализм по самому существу сво-

ему антисоциален и элитичен, ибо государство и весь организованный социальный порядок.

Но больше того, беря за основу из двух основных исторических форм власти, демократию, а не монархию, мы в известном смысле идею демократии возводим в степень. Ибо нашей концепции Конструктивного государства соответствует некая **активная демократия**, в противоположность современной формальной демократии, как пассивной: при ней гражданин не только субъект прав, но **функция** в грандиозной социальной машине исторического строительства. Только тогда государство было бы осуществлением Общего Дела — в нашем смысле. Приближение к такой активной демократии дала бы **демократизированная** советская система, именно декларируемая нами социальная **советская демократия**, которую мы и противопоставляем буржуазной демократии. В такой системе, как и теперь у большевиков, можно сказать «каждый где-нибудь чем-нибудь состоит», являясь активной единицей в великом работающем механизме, а не ограничивается тем, что раз в год явдает на каких-либо очередных выборах свой голос. Следовательно, это нечто более демократичное, чем сама современная демократия.

Советская система, возникшая стихийно — больше снизу, чем сверху, есть замечательное проявление государственного гения русского народа. В ней сказался творец величайшей в мировой истории империи. Большевиком со своим разрушительно-разлагательным негативным мирозерцанием скорее извращал, чем способствовал опыту грандиозного государственного строительства народа. Поэтому преобразование советской системы и должно состоять в освобождении ее от этого негативного материалистического мирозерцания: в демократизации ее со стороны формы и в обосновании новым идеалистическим мирозерцанием — со стороны содержания. Это и выражено в нашем лозунге: за демократический переворот, за Духовную Революцию.

Все сказанное к идее научного государства не должно казаться противоречащим нашей социальной ориентации на крестьянство. Крестьянство, что мы неоднократно отмечали, является для нас тем, чем для социалистов, коммунистов, национал-социалистов является рабочий класс — наилучшим строительным материалом, средством, а не целью в себе. И даже больше того: мы вообще ориентируемся на **трудящихся** — в самом широком смысле этого слова, подобно ориентации большевиков. Но в то время как с точки зрения последних гегемония в таком рабоче-крестьянском блоке Трудящихся должна принадлежать пролетариату, с нашей точки зрения она должна принадлежать крестьянству. Отсюда наша общая формулировка смены власти в России: от диктаториальной рабоче-крестьянской власти Трудящихся с гегемонией пролетариата к демократической рабоче-крестьянской власти Трудящихся с гегемонией крестьянства. Мы считаем, что по мере движения с Запада на Восток формула рабоче-крестьянской власти Трудящихся должна в своем внутреннем соотношении меняться: если на Западе доминирующей силой в этом блоке должен быть пролетариат, то на Востоке — гегемония должна принадлежать крестьянству — соответственно его удельному весу здесь. Только тогда такой блок может быть демократическим. Построемое нами государство должно быть, во всяком случае, государством Трудящихся, — в том смысле, в каком, скажем исторические монархии и демократии являлись государствами других классов и сословий.

Но более того, идея научно-организованного Конструктивного государства, государства как орудия преобразования мира, государства-

Демиурга, Строителя вполне в духе и стиле именно такого государства Трудящихся, нового сословия Творчества — Труда, ибо:

Это шествуют творяне,
Заменявши «Д» на «Т»,
Ладомира соборяне,
С Трудомиром на шесте.¹⁾

П. Боранецкий.

Дом на песке

1.

Эта статья написана до созыва Лондонской конференции. Она будет напечатана уже после ее окончания. Быть пророком задача вообще не благодарная. Но можно безошибочно предсказать, чем кончится конференция. Ничем. Так, как уже кончались ничем все предыдущие международные конгрессы. Их работа выродилась в детскую игру. Безнадёжно перестраивать песочные домики на пляже, как бы они модны не были, когда ветер с моря уносит самый песок и все, что на нем построено. У играющих детей всегда торжественный и серьезный вид. Это не мешает ветру сносить все их постройки.

Международная Экономическая Конференция привела бы к реальному результату лишь при условии перестройки всех основ экономической и финансовой системы. В Лондоне это, конечно, сделано не будет. А могло бы быть сделано. Делегатам был дан показательный урок. При этом один из самых показательных в мировой экономической истории. Это урок американского кризиса.

Американский кризис особенно убедителен по двум причинам. Во-первых он произошел в стране с самым большим в мире золотым обеспечением доходившем (сейчас об этом нужно говорить в прошедшем времени) до 60%. Поэтому кризис нельзя объяснить тем, что были забыты «здоровые принципы финансовой политики». Во-вторых, все **принципы** и **основы** современной капиталистической экономики были доведены в Америке до логического конца. Они выкристаллизировались там в самую четкую форму.

Причины кризиса многочисленны. Но основная — это идолопоклонство, возведение экономических призраков в ведущий принцип и критерий всего хозяйства. Настоящая цель международной конференции должна была бы заключаться в устранении этих призраков. Америка дает достаточный материал для размышлений.

2.

Первый из этих призраков — убеждение, что конечная и единственная цель производства — денежная прибыль.

Формула средневекового хозяйства хорошо известна: товар — деньги — товар. Это значит, что товар производится и обменивается

¹⁾ В. Хлебников. «Ладомир».